

- ²² НА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 252–257; Ф. 15. Оп. 4. Д. 15. Л. 4–6.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. Собр 3-е (1881–1913). Т. XXII. 1902 г. СПб., 1904. Отд. 2. № 22323.
- ²⁷ Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. Элиста, 1999. С. 59–60.
- ²⁸ Там же. С. 55–56.
- ²⁹ Деев С. Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник КИСЭПИ. № 1. Элиста, 2003. С. 168.
- ³⁰ Команджаев А. Н. Указ. соч. С. 56.
- ³¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Т. 1. М., 1967. С. 369.
- ³² Команджаев А. Н. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. С. 200–201.

УДК 94 (470.44–25). 083

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ПЕРВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В САРАТОВЕ

Н. А. Троицкий

Саратовский государственный университет
E-mail: izdat@sgu.ru

В статье исследуется громкий судебный процесс по делу о первой в Саратове уличной политической демонстрации 6 мая 1902 г. – характер, особенности (политические, юридические, нравственные) и значение демонстрации и суда над демонстрантами.

Ключевые слова: демонстрация, суд, обвинение, адвокатура, приговор.

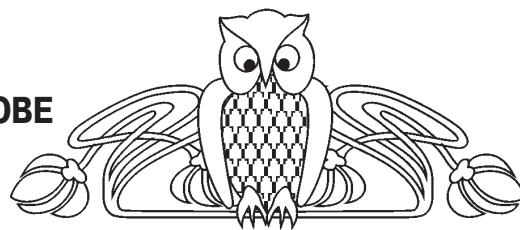
The Trial of the First Political Demonstration in Saratov

N. A. Troitsky

The article investigates a loud trial of the first in Saratov political street demonstration of the May 6, 1902 – the nature, characteristics (political, legal, moral) and significance of demonstration and trial of the demonstrators.

Key words: demonstration, court, prosecution, advocacy, verdict.

Первая в истории Саратова уличная политическая демонстрация состоялась в воскресенье 6 мая 1902 г. То было время, когда «революции тесно становилось в подполье, и она рвалась на улицу», – вспоминал присяжный поверенный М. Л. Мандельштам, выступавший на суде по делу о саратовской демонстрации¹. Правда, здесь, как и в подобных демонстрациях конца XIX в. (к примеру, Казанской 1876 и Добролюбовской 1886 г. в Петербурге), преобладала интеллигентная молодежь, хотя по всей России уже втягивались в революционную борьбу народные массы. Почему так? – «ведь Саратов считался всегда самым передовым и революционным городом Поволжья»². На этот вопрос М. Л. Мандельштам отвечал веско: «В Саратове тогда пролетариат составлял незначительную горсть населения, а потому не мог осознать своего качества в своем качестве»³.

Как бы то ни было, майская демонстрация в Саратове 1902 г. оказалась политически значимой и повлекла за собой громкий политический процесс. В известном справочнике под редакцией Л. И. Гольдмана сказано, что демонстрация «была организована социалистами-революционерами»⁴. Но, как явствует из текста воззваний, разбросанных перед демонстрацией «в разных концах города», организовала ее «Объединенная группа социал-демократов и социалистов-революционеров»⁵. Демонстрация готовилась заранее, но определяющим толчком к ней послужило известие о казни 3 мая в Шлиссельбургской крепости эсера Степана Балмашева, который был сыном очень уважаемого в общественных кругах Саратова местного революционера-народника В. А. Балмашева⁶. Демонстранты несли четыре флага – три красных и один черный (траурный?) с фамилией Балмашева и надписью белыми буквами: «Вечная память герою»⁷.

Общее количество участников демонстрации не подсчитывалось. В обвинительном акте речь шла об их «публичном шествии толпою» «с целью дерзостного порицания установленного законами образа правления, каковое порицание и было выражено выставлением флагов с революционными надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует народное правление!», разбрасыванием преступного содержания воззваний и пением противоправительственных песен»⁸. Эта «цель» и была инкриминирована каждому из участников «публичного шествия толпою». «Здесь было много, очень много учащейся молодежи, – вспоминал М. Л. Мандельштам, – были выходцы из привилегированных классов, которых вывели на улицу не их классовые интересы, а веления совести и побуждения справедливости»⁹. Среди них

Мандельштам назвал дворянина Дмитрия Штейнберга, дочь статского советника Надежду Архангельскую, выпускника Московского университета Василия Фоминых, ветеринарного врача Ивана Бочкарева, ученицу саратовской фельдшерской школы Полину Бударину, конторщицу Анисью Чубаровскую, рабочих Василия Ефимова и Сергея Фофанова. Здесь же были: еще один (17-летний!) рабочий Петр Воеводин (впоследствии видный деятель КПСС, член ВЦИК 5–6 созывов, Герой Социалистического Труда), фельдшерица Елена Ошанина (дочь члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» М. Н. Ошаниной) и поднадзорный студент Казанского университета, приятель Степана Балмашева А. И. Рыков (будущий глава Советского правительства, расстрелянный при И. В. Сталине)¹⁰.

Демонстрация была разогнана полицией с помощью банды черносотенных громил. «Часть демонстрантов удалось загнать во двор дома Рыбкина, где они и были арестованы»¹¹. Суду были преданы 15 человек, в том числе все только что перечисленные, исключая А. И. Рыкова, который был арестован после разгона демонстрации, но освобожден до суда по недостатку улик.

Процесс по делу о демонстрации слушался в Саратовской судебной палате 4–7 ноября 1902 г. Председательствовал на суде шеф палаты А. Б. Арсентьев. Обвинение поддерживал прокурор А. А. Макаров (будущий министр юстиции, расстрелянный в 1918 г. по приговору большевистской ВЧК). Двери суда были закрыты. «Безлюдно (если не считать за людей шнырявших в массе шпионов и полицейских) было на улицах, как безлюдно было в самом зале суда», – свидетельствовали очевидцы¹². В такой обстановке судьи вели дело предвзято и жестко. «Позорно вел себя председатель суда, лишивший подсудимых последнего слова, – читаем в № 29 социал-демократической газеты «Искра» от 1 декабря 1902 г. – Лишь только Фофанов, излагая мотивы своей деятельности, начал речь: «Я социал-демократ...», как сейчас же был прерван председателем: «Мы знаем, что вы социал-демократ!». Ошанина была оборвана председателем после двух-трех фраз. Все это настолько возмутило подсудимых, что Ефимов воскликнул: «Я презираю эту судебную трагикомедию!», а Архангельская резко протестовала против поведения председателя и заявила о своей солидарности с товарищами»¹³.

«Говорить удалось одному только Воеводину, – читаем далее в том же номере «Искры». – Он заявил: «Моя беда – лишь частица общего горя и гнета, которые тяготят над всей рабочей массой. Наши враги – капиталисты, выжимающие из нас соки, царское правительство, всецело стоящее на их стороне и мешающее вести борьбу за наши интересы. Мне, как и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, как выйти на улицу и кричать: “Долой капиталистов! Долой самодержавие!”». Участвуя в демонстрации, я исполнил

свой долг, поэтому требую для себя полного оправдания»¹⁴.

«Такие же демонстративные заявления», как вспоминал об этом М. Л. Мандельштам, сделали на суде С. Фофанов и Е. Ошанина, а В. Ефимов, который ранее «уже дважды привлекался к жандармским дознаниям», здесь «наотрез отказался давать какие бы то ни было показания»¹⁵. Никто из подсудимых не выразил раскаяния за содеянное и не проявил малодушия.

Что касается защиты, то ее поведение на саратовском процессе 1902 г. выше всяких похвал. В Саратов прибыли тогда из разных мест корифеи так называемой «молодой адвокатуры», т. е. второго (после В. Д. Спасовича и Д. В. Стасова, Ф. Н. Плевако и А. И. Урусова, П. А. Александрова и С. А. Андреевского) поколения адвокатов. Кстати, в «молодой» адвокатуре тоже был свой *Александров*: там – Петр Акимович, всемирно прославивший себя защитой Веры Засулич, здесь – Александр Михайлович, стяжавший себе всероссийскую славу защитой лейтенанта П. П. Шмидта. Вместе с А. М. Александровым защищали саратовских демонстрантов 1902 г. адвокаты: уже представленный читателю Михаил Львович Мандельштам – однокурсник по Петербургскому университету А. И. Ульянова (старшего брата В. И. Ленина), член ЦК партии кадетов, в советское время юрисконсульт, ставший жертвой сталинских репрессий; Федор Акимович Волькенштейн – двоюродный брат искусствоведа и драматурга В. М. Волькенштейна и племянник известного адвоката-цивилиста М. Ф. Волькенштейна; Алексей Андреевич Никонов – сын царского адмирала, родной брат народовольца С. А. Никонова, шурин знаменитого адвоката Н. П. Карабчевского; Иван Николаевич Сахаров – дед академика А. Д. Сахарова¹⁶. Местную, саратовскую адвокатуру возглавлял ее признанный лидер Самуил Еремеевич Кальманович, по данным жандармской агентуры, – «человек крайних убеждений»¹⁷ и даже «один из видных деятелей партии социалистов-революционеров»¹⁸.

Главное, что сделали адвокаты на том процессе, – опровергли доказательную базу обвинения. Все они утверждали, что показания свидетелей со стороны суда (сплошь жандармов, филеров и прочих сыщиков, т. е. «лиц, служащих и получающих жалованье, командированных для специальной цели») «представляют собой лишь материал для проверки и не могут рассматриваться в качестве судебного доказательства»¹⁹. В противовес обвинению защита, со своей стороны, вызвала 40 свидетелей, которые уличали сыщиков во лжи. «Нашим свидетелям прокурор не верит: «все это, мол, «дружеские показания», «из хороших чувств», – заявил по этому поводу Ф. А. Волькенштейн. – Ну, раз на то пошло, то позволено и мне сказать: если кому нельзя верить, если кто говорит неправду, так это свидетели господина прокурора. И лгут они из самых низменных чувств»²⁰.

Допрос свидетелей адвокаты умело использовали в интересах своих подзащитных, позволяя себе не только оспорить обвинение, но и посмеяться над ним. «По поводу знамени с надписью «Долой самодержавие!» – вспоминал М. Л. Мандельштам, – на процессе произошла интересная сцена, облетевшая потом всю Россию в качестве анекдота. А между тем этот анекдот сотворился в действительности на моих глазах. С. Е. Кальманович допрашивает свидетеля обвинения, до глубины души оскорбленного в своих монархических чувствах. Свидетель показывает, что он сам читал на флаге революционную надпись.

– Какая же это надпись? – допытывается защитник.

Свидетель молчит. Ему неприятно повторять кощунственные слова. Но Кальманович настаивает на своем вопросе. Приходится отвечать:

– Ну, известная *русская поговорка*...

– Поговорок много, какая же именно? – не унимается защитник. Председатель просит свидетеля не стесняться: на суде можно и должно говорить все.

– *Известная поговорка: долой самодержавие!*»²¹.

Защитники вскрывали юридическую ущербность попыток обвинения квалифицировать саратовскую демонстрацию 1902 г. по ст. 252 российского Уложения о наказаниях. Они напомнили судьям, что ст. 252 карает «составление и распространение письменных или печатных сочинений и произнесение публичных речей с дерзостным попицанием установленного строя», и вопрошали с недоумением, законно ли подгонять под *сочинения* надписи на флагах «Долой самодержавие!», а под *публичные речи* – возгласы из тех же двух слов²².

При этом защитники (А. М. Александров, Ф. А. Волькенштейн, М. Л. Мандельштам) солидаризировались с подсудимыми, выдавая демонстрацию 6 мая за «способ мирной пропаганды научных идей». «Посмотрим, чего хочет, чего добивается русская социал-демократия, – говорил, обращаясь к судьям, Мандельштам. – Прочтем прокламацию: свобода совести, свобода печати, собраний, уравнивание в правах всех сословий, всех национальностей. Да разве это все так страшно, так несбыточно? Разве под многими из этих пожеланий не подписались бы вы сами?»²³.

Суд больше внимал прокурору, нежели адвокатам. Тем не менее, пятерых обвиняемых из 15-ти он оправдал²⁴, что, конечно же, следует поставить в заслугу защите. Зато остальным подсудимым был вынесен приговор, несоразмерный по жестокости с их обвинением в «публичном шествии толпою»: 7 человек, включая трех женщин (Василий Ефимов, Сергей Фофанов, Иван Бочкарев, Семен Косович, Елена Ошанина, Анисья Чубаровская, Надежда Архангельская) были наказаны за участие в «публичном шествии» ссылкой в Сибирь и трое (Петр Воеводин, Полина Бударина, Евгения Сарапулова) – разными сроками тюрьмы²⁵.

Защитники обратились в Правительствующий Сенат с кассационной жалобой на неоправданно суровый приговор Саратовской судебной палаты, предложив «уничтожить производство по делу осужденных в Саратове, признанных судебной палатой виновными в таком деянии, которое законом не предусмотрено»²⁶. Сенат постановил «кассационную жалобу оставить без последствий» с такой мотивировкой: «толпа пела песни революционного содержания, и поэтому нельзя указывать, что не было речей»²⁷.

Несмотря на неудачу с кассационной жалобой, адвокаты на саратовском процессе заслужили признание революционных партий. «Защита была поставлена блестяще», – говорилось в «письме из Саратова» на страницах эсеровского издания материалов процесса²⁸. А социал-демократическая «Искра» напечатала письмо одной из осужденных по саратовскому делу о том, что она навсегда запомнит «эти три дня процесса», включая тот день, «когда произносились прекрасные речи защитниками»²⁹.

Первая в Саратове уличная политическая демонстрация 6 мая 1902 г. и судебный процесс ее участников вошли в историю российского освободительного движения как примечательные события с громким общественным резонансом. Дело в том, что с 1901 г. в России возобновились после семилетнего перерыва судебные процессы по политическим делам, но теперь перед судом все чаще оказывались не столько *одиночки-террористы* и члены революционных *объединений*, сколько участники *массовых* политических акций, причем не стихийных, а подготовленных и организованных. До начала революции 1905–1907 гг. самыми значимыми из таких акций были четыре политические демонстрации – три (в Саратове, Сормове, Нижнем Новгороде) 1902 г. и одна (в Ростове-на-Дону) 1903 г. Они совокупно засвидетельствовали, что первая в России революция уже не за горами.

Примечания

- ¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 66.
- ² Там же. С. 69.
- ³ Там же.
- ⁴ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1 (1901–1905). М., 1932. С. 47.
- ⁵ Цит. обвинительный акт по делу о саратовской демонстрации 6 мая 1902 г., опубликованный в кн.: Волькенштейн Ф. А. В дореволюционных судах. Речь защитника. М.; Л., 1924. С. 10.
- ⁶ С. В. Балмашев был казнен за убийство ненавистного в России министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина, инициалы которого обыватели расшифровывали так: «Дикая Свинья» (Памяти С. В. Балмашева. Женева, 1902. С. 18).
- ⁷ Обвинительный акт... С. 9.

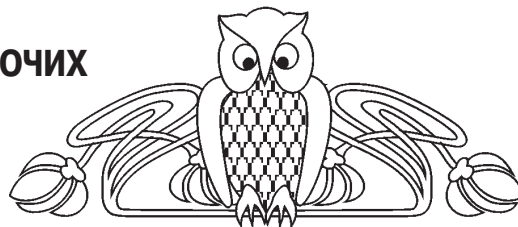
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 68–70.
- ¹⁰ См.: Революционная Россия. 1903. № 16. С. 6 ; *ГусакOVA З. Е.* Саратовский период биографии А. И. Рыкова // Советские архивы. 1989. № 2.
- ¹¹ Обвинительный акт... С. 9.
- ¹² Из нашей общественной жизни // Искра. Л., 1927. Вып. 4. С. 129.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Листовка, опубликованная в «Истории Саратовского края 1590–1917 гг.» (Саратов, 1983. С. 152–153), содержит другую концовку речи П. И. Воеводина, хотя и аналогичную по смыслу.
- ¹⁵ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 70, 74.
- ¹⁶ См. о нем: *Боннэр Елена.* Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова. М., 1996 (ук. имен). Подробно обо всех перечисленных адвокатах см.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000 (ук. имен).
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 965. Л. 8.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1904. Д. 42. Л. 20.
- ¹⁹ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 70–71. С. 75 ; Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903. № 15. С. 254.
- ²⁰ *Волькенштейн Ф. М.* Указ. соч. С. 13.
- ²¹ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 70–71.
- ²² Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903. № 14. С. 219.
- ²³ Там же. С. 222.
- ²⁴ Оправданы были двое мужчин (Василий Фоминых и Дмитрий Штейнберг) и трое женщин : Амалия Григорьева, Варвара Дьякова и Александра Рылова.
- ²⁵ См.: Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1. С. 47.
- ²⁶ Правительствующий Сенат // Право. 1903. № 7. С. 474.
- ²⁷ Там же. № 8. С. 545.
- ²⁸ Демонстранты перед судом. Женева, 1902. С. 20, 21.
- ²⁹ Искра. Вып. 5. С. 31.

УДК 331.45(470.44)(09)

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1985 гг.

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru.

В работе анализируются основные направления деятельности государства по организации медицинской помощи рабочим на промышленных предприятиях Саратовской области в период хрущевских и брежневских реформ советского общества. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, мемуаров.

Ключевые слова: здравпункт, медико-санитарная часть, цеховая медицина, профилактический осмотр, производственная гимнастика, санаторий, заболеваемость, нетрудоспособность, больничный лист, комнаты личной гигиены женщин.

Health's Protection of the Industrial Workers in Saratov Region in 1953–1985 Years

А. А. Gumenyuk

In this article the main state directions of medical care on the industrial factories of Saratov region in period of Khrushchev's and Brezhnev's reforms. Materials on the data of the archives, periodical press and memoirs.

Key words: dispensary, medical sanitary unit, shop's medicine, industrial physical training, sanatorium, morbidity, disablement, sick-leave certificate, personal hygienic women's room.

В начале XXI в. в Российской Федерации стал претворяться в жизнь федеральный национальный проект «Здравоохранение», нацеленный на повышение уровня медицинского обслуживания населения¹. Чтобы этот проект действительно

улучшил положение в отечественной медицине, на наш взгляд, необходимо взять на вооружение опыт преобразований сферы здравоохранения в 1953–1985 гг., главным образом, организации медицинской помощи на промышленных предприятиях. Именно там были достигнуты наибольшие успехи в улучшении здоровья трудящихся. Решить эту задачу более качественно позволяет обращение к провинциальному материалу, в частности Саратовской области, способному создать картину, максимально приближенную к истине. Актуальность темы продиктована и низкой степенью ее изученности. Действительно, данный аспект развития советского здравоохранения в сферу внимания современных российских и зарубежных исследователей только еще входит². Изучался он главным образом советскими историками и врачами³, а также освещался в общих работах по истории советского здравоохранения⁴.

В первые годы советской власти на промышленных предприятиях стали создаваться пункты первой медицинской помощи, преобразованные затем в пункты здравоохранения (здравпункты). Уже в 1940 г. в СССР действовало 9,9 тыс. таких пунктов⁵. В годы Великой Отечественной войны Наркомздрав СССР приступил к созданию медико-санитарных частей (МСЧ) и формированию цеховой системы медицинского обслуживания на предприятиях оборонной промышленности⁶.